

Е.Н. Басовская

Война, миръ и міръ

До орфографической реформы 1918 года в русском языке было два одинаково звучащих слова, разные написания которых соответствовали различным значениям:

миръ — отсутствие войны, согласие, тишина, покой;

міръ — вселенная, весь свет, все люди; крестьянская община.

В результате реформы было отменено употребление твердого знака на конце существительных мужского рода на согласную и ушла из русского алфавита буква «і» — «и десятеричное». Написание слов совпало, и они превратились в полные омонимы, различающиеся только по смыслу.

Толстой использовал в названии слово «миръ», но спокойно относился и к другому варианту написания заголовка: «Война и міръ». Вероятно, двусмысленность, возникшая позже, чудесным образом совпала с авторским замыслом. Речь в книге шла и о противостоянии войны и мира (в этом смысле название представляло собой антитезу), и о том, как война вторгается в жизнь мира — людского сообщества, и об участии в войне русского крестьянского мира.

Итак, антитеза... Или антитезы? Помнишь, читая роман Гончарова «Обломов», мы обратили внимание на несколько ключевых противопоставлений, лежащих в его основе? Полагаю, что в этом он чрезвычайно близок к «Войне и миру» Толстого. Здесь все тоже пронизано напряжением, которое возникает между противоположными полюсами. Важнейшие из них: *война* — *мир* и *естественность* — *фальшь*. Все персонажи романа-эпопеи тяготеют к какому-либо из полюсов. Причем «люди войны» чаще всего ведут себя искусственно, фальшиво; те же, кто создан для мирной жизни, наиболее естественны и открыты. И именно они «люди мира», и составляют мир (міръ) — рой, подобный пчелиному, или, другими словами, народ.

Миру — во всех значениях слова — противопоставляется война. Это самое страшное из возможных испытаний, им поверяется все: прочность чувств, истинность идеалов, сила народного духа... Что же представляет собой война с точки зрения Толстого?

Казалось бы, он совершенно определенно ответил на этот вопрос в начале третьего тома:

«12 июня силы Западной Европы перешли границы России, и началась война, то есть совершилось *противное человеческому разуму и всей человеческой природе событие*».

О том же говорит накануне Бородинского сражения Андрей Болконский. Говорит раздраженно, желчно, но убедительно:

«Война не любезность, а самое гадкое дело в жизни, и надо понимать это и не играть в войну. Надо принимать строго и серьезно эту страшную необходимость... А то война — это любимая забава праздных и легкомысленных людей... Военное сословие самое почетное. А что такое война, что нужно для успеха в военном деле, какие нравы военного общества? Цель войны — убийство, орудия войны — шпионство, измена и поощрение ее, разорение жителей, ограбление их или воровство для продовольствия армии; обман и ложь, называемые военными хитростями; нравы военного сословия — отсутствие свободы, то есть дисциплина, праздность, невежество, жестокость, разврат, пьянство. И несмотря на то — это высшее сословие, почитаемое всеми. Все цари, кроме китайского, носят военный мундир, и тому, кто больше убил народа, дают большую награду... Сойдутся, как завтра, на убийство друг друга, перебьют, перекалечат десятки тысяч людей, а потом будут служить благодарственные молебны за то, что побили много людей... и провозглашают победу, полагая, что чем больше побито людей, тем больше заслуга. Как Бог оттуда смотрит и слушает их!...»

Справедливость этих горьких слов Болконского подтверждается многим: процветанием во время войны расчетливых карьеристов Друбецкого и Берга, гибелью самых добрых и безбидных людей — Пети Ростова и Платона Каратаева, московским пожаром...

Но тем не менее войны изображаются и оцениваются не одинаково. Все, что с такой болезненной прямоотой сказал о войне Болконский, вполне применимо к кампаниям 1805 и 1807 годов, когда русские войска идут по чужой земле и бьются за чужие интересы. О событиях же 1812 года Толстой говорит, не скрывая патриотического воодушевления. Об этой войне нельзя сказать, что цель ее — убийство. Народ воюет за свободу, и писатель не избегает патетических интонаций:

«И благо тому народу... который в минуту испытания, не спрашивая о том, как по правилам поступали другие в подобных случаях, с простотою и легкостью поднимает первую попавшуюся дубину и гвоздит ею до тех пор, пока в душе его чувство оскорбления и мести не заменяется презрением и жалостью».

Значит, есть исключения? Бывают войны, вызывающие не ужас и отвращение, а восхищение и гордость? Да, Толстой различает насквозь фальшивые и потому не имеющие оправдания *«войны царей»* и полные истинного героизма освободительные *«войны народов»*. Но, что очень важно, воспевая подвиг сражающегося за свою землю народа, писатель никогда не воспекает войну. Его отношение к происходящему зависит от масштаба изображения. В литературе, как и в кино, возможен общий и крупный план. Автор или видит мир «с высоты птичьего полета», охватывая взглядом движение армий на огромных пространствах, или, как будто приблизившись к герою, смотрит ему прямо в глаза. У Толстого максимум патетики, патриотического воодушевления приходится на «общие планы». Когда он говорит о столкновении армий, народов, о законах всемирной истории, в его голосе звучит металл, он воспекает торжество русского духа и русского оружия.

«Те, которые стали выезжать из Москвы еще в июле и начале августа... с тем, что они могли захватить, оставляя дома и половину имущества, действовали так вследствие того скрытого... патриотизма, который... выражается незаметно, просто, органически и потому производит всегда самые сильные результаты. <...>

Они ехали потому, что для русских людей не могло быть вопроса: хорошо или дурно будет под управлением французов в Москве. Под управлением французов нельзя было быть: это было хуже всего... Они уезжали и не думали о величественном значении этой громадной, богатой столицы, оставленной жителями и, очевидно, сожженной... они уезжали каждый для себя, а вместе с тем только вследствие того, что они уехали, и совершилось то величественное событие, которое навсегда останется лучшей славой русского народа».

«Крупный план» здесь совсем другой. Та же оставляемая Москва оказывается наполнена озверевшей толпой (чего стоит расправа над Верещагиным!). Опустевший город населяют безумцы и мародеры.

Толстой прославляет непобедимое партизанское движение — истинное воплощение народного духа. Но когда он рассказывает о конкретном партизанском отряде, то подмечает отнюдь не только привлекательные черты составляющих его людей. Единственный партизан из крестьян, о котором писатель повествует подробно, — это Тихон Щербатый, «мужик из Покровского под Гжатью». Еще до встречи с Денисовым Тихон побил десятка два французов, называя это «баловством по охоте». Потом пристал к отряду, оказался человеком полезным: выносливым, ловким и безжалостным. После ранения он «редко приводил пленных», то есть вымещал злость на всяком попавшемся ему французе.

Очень значима сцена, в которой ходивший за «языком» Тихон с шутками-прибаутками рассказывает о том, почему не привел «несправного» француза. При разговоре развеселившегося мужика с командиром Денисовым присутствует Петя Ростов. Сначала ему, как и всем, хочется смеяться, но постепенно до него начинает доходить истинный смысл происшедшего.

«Когда прошел тот овладевший им смех при словах и улыбке Тихона, и Петя понял на мгновение, что Тихон этот убил человека, ему сделалось неловко».

Заметь: не страшно, не противно — неловко! Толстой нашел слово, точнее других передающее ощущение интеллигентного, воспитанного на идеалах гуманизма юноши при столкновении с жестокостью жизни. Стыд за все то зло, которое совершается на Земле, — чувство, хорошо знакомое и самому писателю.

Толстой гордится партизанским движением, но это не мешает ему стыдиться поступков отдельных его участников.

Освободительная война — гордость нации, но она остается *войной*, в основе которой — убийство. Величайшие деяния в истории совершаются обычными людьми. Из них, заурядных, эгоистичных, состоит нечто исполинское — народ.

Философия Толстого чрезвычайно сложна. Может быть, будет легче разобраться в ней, начав не с теоретических построений, а с судеб людей. Если внимательно следить за тем, что происходит с героями «Войны и мира», рано или поздно придешь к пониманию взглядов писателя.